УДК 316.47

ПЕТЕР ВЕРЕШ: ЛИЧНОСТЬ И УЧЕНЫЙ

Парамонова Светлана Павловна,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
кафедра социологии и политологии,
профессор,
доктор философских наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: spp45@mail.ru

Аннотация
Петера Вереша с исследователями уралистики связывает давняя крепкая дружба. К каждому специалисту в сфере этнографии и антропологии ученый прокладывает свою тропу понимания. Я наблюдала, что его роем облепляют участники конференций. Это не только дар общительности и душевности, но притяжением служит и огромная эрудиция П. Вереша. Не случайно профессор Санкт-Петербургского педагогического университета А.И. Герцена Е.А. Окладникова (с её отцом, академиком А. П. Окладниковым работал на конференциях П. Вереш) отмечает, что венгерский этнограф относится к плеяде китов мощной профессиональной закалки – специалистов истории, этнографии и антропологии. Статья кратко излагает специальную область этнографии – истоки протовенгерского номадизма, – во многом обоснованную Петером Верешем. Она излагает концепцию П. Вереша, опирающегося на работы венгерских, российских, американских ученых. Он показал локализацию в прошлом протовенгров в районе Оби и тысячелетних путей миграции. Статья подчеркивает роль природных катаклизмов в обретении места оседлости протовенграми, отмечает самоидентификацию: устойчивость языка и культуры. Вызовом явились заболачивание и засуха в Азии, а ответом – развитие творческих способностей этноса и обоснование места обитания в Европе.

Ключевые понятия:
протовенгерский номадизм, климатические изменения как фактор продвижения древних венгров от Оби к Южному Уралу, Прикаспию, затем в Паннонию, вероятность блицкрига, изобретенного номадами.

Если бы Вам перевели венгерские публикации,
то перевод лишний раз свидетельствовал бы о том,
что я не боюсь в Будапеште,
где в журналах часто ведутся открытые острые научные дискуссии,
давать высокие оценки достижениям российских ученых
и пропагандировать их научные открытия.

Из личного письма П. Вереша

П. Вереш, профессор, доктор исторических наук, историк, этнограф, антрополог, работает в Будапеште в качестве ведущего научного сотрудника Комплексного института гуманитарных исследований Венгерской АН и преподает в университете на кафедре этнографии финно-угорских народов. Им опубликовано более 150 статей на разных языках, в том числе несколько работ специально о креативности и изданы две монографии по уралистике. В то время как Дж. Урри в своих «Мобильностях» описывает планетарные миграции (современный номадизм), А.В. Головнёв указывает на контролирующую роль организованными кочевниками земледельцев в феномене колонизации, П. Вереш является основателем концепции номадизма протовенгров у истоков развития угро-финского этноса.

Петер Тибор Вереш родился в небольшом городе Дебрецен, имеющем собственный университет. В юности, в 60-е гг., Петер сделал выбор обучения в МГУ им. М.В. Ломоносова, когда СССР/Россия был в зените научного, технического и экономического подъема, значительного политического влияния в мире, и учиться у нас было чрезвычайно престижно. Затем в 80-е Петер защитил докторскую диссертацию в институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Своему выбору еще в студенческие годы – изучению происхождения венгерского этноса Петер Тибор Вереш остался верен до сегодняшнего дня, открывая новые грани протовенгерского степного номадизма.

П. Вереш – ученый с мировым именем в финно-угроведении. В каждой своей публикации он ведет диалог с работами европейских, венгерских, российских, американских и немецких ученых. П. Вереш владеет четырьмя европейскими языками и языками хантов и манси, как того требует профиль избранной науки. Он свободно оперирует междисциплинарными методами исследования, и эти подходы неизбежны в этнографии. В его статье 1978 года «Этнокультурное развитие угорских народов», изданной в Томском университете, как в целой монографии,

развернута история финно-угорского этноса в тысячелетиях до н.э.

Ссылаясь на венгерского академика Петера Хайду, который, анализируя распространенность пыльцы растений по территориям, на основе подробных лингвистических исследований в финно-угорских языках, мог найти общие названия деревьев сибирской тайги (всех цветущих, кроме вяза). Если название деревьев наложить на период среднего голоцена, то можно локализовать общую территорию финно-угров в контактной зоне европейских и сибирских лесов в VI–IV тыс. до н.э. на пространстве между нижним и средним течением Оби и Уральскими горами (еще точнее, до Печоры).

К III тысячелетию до н.э. создалась единая субарктическая культура от Скандинавии до Енисея и Ангары с центром в Западной Сибири. Ее характеризует однотипная керамика, сходные наскальные изображения, культовые скульптуры медведя, лося, водоплавающей птицы, а также идентичный костяной и каменный инвентарь. Во II тысячелетии до н. э. финно-пермские группы из района Урала переселяются в западном направлении до Балтийского моря. Параллельно далекие предки венгров, хантов и манси перемещаются в южную часть прародины, в западно-сибирские лесостепи (под казахстанским влиянием). Они создали скотоводчески-земледельческую культуру, и вместе с этим оформились в самостоятельную этнолингвистическую общность. Засуха. Охотники и рыболовы сместились в тайгу. Уральцы же не уходили с финно-угорской прародины. Во II тысячелетии до н.э. появляется первый металлургический центр Урала, обрабатываются местные богатые медные месторождения, которые с успехом вытеснили мышьяковистую кавказскую бронзу, до того господствовавшую в степной и лесостепной зонах. Преобладает Андроновский тип – протоевропейский вариант формирования биологического субстрата человека к югу от Западной Сибири в степях Казахстана. Его можно отделить от соседней популяции срубной культуры протоиранцев, представляющих собой средиземноморский вариант европеоидной расы. Во II–I тысячелетии до н.э. протовенгры овладели конно-лошадной культурой и основали номадический, кочевнический тип хозяйствования.

В недавней статье «Венгерский “патент” степного номадизма в зеркале угро-финско-иранских этнических контактов» П. Вереш отмечает, что авторство военной тактики «блицкрига» придется конкретно отдать как раз тому народу, предки которого первые перешли к евразийскому кочевничеству: это были именно древние венгры. Ведь они первые по экологическим причинам перешли к номадизму как новому, монистически-одностороннему специализированному, культурно-хозяйственный типу, в центре евразийской степной зоны. Вывод П. Вереша о номадизме интересен тем, что этногенез венгерского народа протекал именно в районе степей Западной Сибири и соседнего с ней Северного Приаралья Казахстана. Данный регион Северного Прикаспия, по мнению профессора Е. Г. Маркова, является областью моноцентрического формирования евразийского кочевого номадизма с конно-лошадным укладом. К сожалению, венгерский антрополог Тибор Тот (1931–1991) не знал этого важного культурного обстоятельства при установлении морфогенетического ареала формирования андроноидного антропологического типа древних венгров в полупустынном районе Аральского моря, Мугоджарских гор и Нижней Волги. Хотя здесь возникло евразийское кочевничество, которое имеет колоссальное значение в истории мировой культуры. Е.Г. Марков не имел информации о том, где был локализирован центр возникновения номадизма, это как раз этническая территория древних венгров по антропологическим данным. Относительно военной тактики «блицкрига», кроме косвенного доказательства и логического соображения этого предположения, может быть дополнительным тот загадочный исторический факт, что сравнительно малочисленный венгерский народ смог докочевать от территорий Казахстана до западного края евразийской степной зоны и там осесть. Это весьма длинный путь, около 3500 км до Среднего Пред-Дуная, то есть до Карпатских гор Паннонии. Странным образом этот этнос финно-угорского происхождения смог ни ассимилировать, ни использовать языки, ни этнически-культурологические навыки, ни способы взаимодействия более многочисленных иранских и тюркских полукочевнических народов, хотя последние по численности всегда господствовали в степях, были намного больше распространены, чем венгры. Венгры сохранили финно-угорские основы языка.

Почему случилось так? Потому что древние венгры до их появления в Хазарском каганате были уже не полукочевники, а типичные классические номады без земледельческих традиций. Вероятно, переход к номадизму они

заимствовали несколько позднее у тюркских народов, с которыми жили в тесном в хозяйственном симбиозе до 895–900 гг. нашей эры. Таким образом, видимо, все-таки древние венгры были не только первыми, кто переходил к кочевничеству, к мобильности, как образу жизни, но месте с тем данный этнос явился изобретателем военной тактики «блицкрига». И эта тактика, безусловно, дала протовенграм военное преимущество выживания и развития среди окружавших полукочевнических, полуоседлых народов.

Принимая во внимание тот факт, что именно иранское по языку федоровское население андроновской культуры находилось в симбиозе, наиболее интенсивном контакте с финно-уграми, обладавшими к этому времени высокоразвитой дуалистической космогонией и достигшими района формирования авестийских текстов еще до завершения авестийской традиции. Подтверждением концепции П. Вереша о возникновении кочевничества под финно-угорским протовенгерским культурным влиянием явилась работа А.В. Коротаева и Д.А. Халтуриной «Мифы и гены» (М., 2010). По мнению московских авторов, в период XII–X вв. до н.э. на территории Северного Закаспия наблюдалось сильное этнического смешение финно-угров и иранцев. Однако, на взгляд П. Вереша, московские авторы не знали о том, что этот важный аридный район был не только центром моноцентрического возникновения евразийского номадизма, но одновременно и этнической территорией древних венгров, где, начиная с XII века до н.э., формировался их андроновский антропологический тип. Тибор Тот еще в 1970-м году доказал, что длительный процесс формирования антропологического типа древних венгров начался в XII в. до н.э., их морфологический ареал локализовался в засушливом районе Северного Каспия, между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары – (южным продолжением Урала), преимущественно на иранском андроновском субстрате. Особенно интересным в свете концепции о моноцентрическом возникновении номадизма в Западно-Сибирской степи и соседней аридной территории Северного Закаспия является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья группы Приаралья. Этот взгляд Т. Тота, высказанный раньше и поддержанный Г. Ф. Дебецем, является одним из основных достижений в исследовании этногенеза венгров, по оценке П. Вереша.

Очень важно, по Верешу, то, что дуалистическая космогония не реконструируется на протоиндоевропейском уровне. Единственная ветвь индоевропейцев, имеющая более или менее развитую собственную дуалистическую космогонию, – иранцы, которые интенсивно контактировали с финно-уграми, и, именно благодаря им, заимствовали дуалистические космогонические мифы древних уральцев. По мнению А.В. Коротаева и Д.А. Халтуриной, наиболее древние, надежно установленные этнокультурные тесные контакты между иранцами и финно-угорским населением во время андроновской археологической культуры датируются конкретно на рубеже II–I тысячелетия до н.э. Именно тогда, – считает П. Вереш, – когда хронологически моноцентрично возникал евразийский номадизм в степной зоне вообще, с лошадно-коневодческим укладом, под этнокультурным влиянием южных групп финно-угров, то есть древних венгров. В свете концепции академика В.В. Напольских о появлении весьма ранней «урало-американской» дуалистической космогонии никак не представляется возможным объяснить поздними влияниями на финно-угров индоевропейцев, арийцев или иранцев, как раньше предполагали М. Драгомонов, У. Харва и О. Дэхнхардт. Значительно более правдоподобным, по Верешу, представляется прямо противоположное направление этнокультурных и генетических влияний на южные народы с севера, из лесной зоны, где жили и живут финно-угорские народы.

Новая концепция А.В. Коротаева и Д.А. Халтуриной находит дополнительное подтверждение по генетическим данным эстонских генетиков из Тарту о пространственном распределении материнской линии: mtU7 у финно-угров, а также этногенезе и ранней этнической истории древних угров. В связи с этим несомненно то, что венгры – единственный финно-угорский народ, переселившийся с севера на юг, в степную зону; это самая южная группа финно-угров – далеких предков венгров, вынужденно мигрировавших из лесостепной этнической территории Зауралья под влиянием значительного экологического изменения интенсивного заболачивания в степь Западной Сибири на рубеже II–I тысячелетий до н. э.

Древние венгры весьма активно участвовали в создании нового подвижного культурно-хозяйственного типа – номадизма и стали среди финно-угров единственным типичным кочевническим, транзитивно-мобильным этносом, с которым не могли конкурировать в степной зоне даже арийцы-иранцы, а позже

даже тюркские кочевники, тем более ассимилировать их этнические навыки и язык, хотя эти племена степи, по сравнению с венграми, всегда имели численное превосходство.

Перед Петером Верешем был поставлен вопрос: «Почему в отличие от венгров арктические и уральские угро-финны не продвинулись в своем социально-экономическом, технокультурном развитии?» Может быть, венгры развились благодаря миграциям протовенгров от Оби до Карпат? Однако само возникновение номадизма П. Вереш объясняет климатическими условиями и необходимостью напряженной адаптивной способности этноса. Здесь П. Верешу закономерно пришлось обратиться к психолого-антропологическому объяснению приспособления протовенгров в меняющейся ситуации, скажем так, во имя самосохранения и саморазвития.

Закономерностью живого является приращение нового качества к старому. По Верешу, культурная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулирует появление потенциальной креативности любого народа. Каждый этнос – осознанная коммуникационная сложная самоорганизующаяся адаптивная система, которая спонтанно и перманентно стремится приспособиться к своему окружению, повернуть ход событий в свою пользу. При этом существенную роль играет фактор функциональной асимметрии мозга, который обеспечивает адаптацию человека к среде во время ухудшения экологической обстановки, в новых климато-географических условиях. Не гены, а культурно-хозяйственная адаптация к природным условиям среды стимулирует креативные процессы человека, обусловливая эволюцию культуры.

По новейшим данным ученых, адаптация к новым природным факторам среды связана с улучшением межполушарного переноса информации. В период экологических катастроф действительно временно повышается возможность реализации творческих потенциалов внутри данного этноса, т.к. экстренность процессов адаптации приводит к усилению взаимодействия полушарий мозга в новых экологических условиях.

Возникает интересный вопрос: в чем заключается парадоксальный исторический секрет, когда вызовом являются экстремальные условия, а ответом – гибель или, наоборот, усиленное развитие? Именно этот финно-угорский народ – протовенгры под давлением весьма суровых экологических и климатических условий Западной Сибири и Прикаспия стали первыми изобретателями и распространителями евразийского кочевничества в степной зоне. Сам Петер Вереш считает, что в основе его теории номадизма лежат работы Е. Маркова по локализации угро-финского этноса и андроноидного антропологического типа древних венгров Т. Тота, в то время как они не могли соединить в едином синтезе свои концепции, это сделал П. Вереш.

Однако П. Вереш сам выходит к новым берегам смежных гуманитарных наук, и это порождает эффект открытия. Такой подход вывел венгерского ученого на современные проблемы творчества, гениальности, измерения умственных способностей методом определения IQ. П. Вереш ведет научные дебаты, дискуссии с венгерским генетиком Эндре Чейзелом. Э. Чейзел считает вслед за Гальтоном, что талант имеет «наследственность», якобы и с помощью IQ-тестов можно измерять «креативность» и в популяции. «Креативность» будто бы имеет нормальное распределение. Своё знаменитое открытие о том, что способности, талант и гений не наследуются, Ликкен (1924–2007) сделал в 1981–82 гг., но профессор Чейзел об этом пока нечего не знает.

П. Вереш в постоянном открытом диалоге с современными исследователями в противостоянии этнофаворитным и расистским концепциям, утверждающим приоритет одних над другими в качестве «врожденных» способностей. Он показывает, какие огромные капиталы вращаются за применением методик IQ. Ложным утверждениям П. Вереш противопоставляет статистические, исторические и генетические данные науки, отделяя зерна от шелухи. В интервью 2014 г. в своем родном городе, на конференции венгерский этнограф определил как будто бы известные нам данные, но он связал их в акторно-сетевую систему, в результате мы имеем новую информацию о самих себе. Мы знаем, что гениальными являются 5-е, 7-е дети в семье. Конфуций, отмечает П. Вереш, был одиннадцатым ребенком. Мы знаем, что разница возрастов мужа (старше) благоприятно действует на брак и качество детей. Знаем, что К. Ясперс предвидел в XXI веке опережающие позиции в мире крупных этносов: китайского и индийского. Но П. Вереш сделал новый вывод: двудетность в Европе останавливает появление гениев, на Востоке, наоборот, в многодетных семьях их появление более закономерно и часто. Это важнейший гуманитарный фактор развития цивилизаций.

П. Вереш проявляет интерес к недавним событиям истории, в частности, собирает са-

мую разнообразную информацию о культе личности, о соотношении сил на мировой арене, интересуется поведением политических игроков и постоянно, упорно следит за течениями научной мысли в своей специальной области знаний. Как личность П. Вереш несет в себе ценности Запада. Как ученый и труженик дает столь точные оценки процессам, что это всегда определяется безошибочным чутьем и точностью гражданина мира.

Миф обских угров о происхождении их фратриальной организации

П. Вереш (Комплексный институт гуманитарных исследований Венгерской АН).

Самые близкие родственники венгров по языку ханты и манси проживают в Западной Сибири. В XIX веке была обнаружена легенда, в которой сами обские угры пытались объяснить возникновение их фратрий. На основе этого сказания Янош Харматта выдвинул предположение, что у обских угров члены фратрии Мось якобы действительно ели в свое время только сырое мясо в противовес брачному классу Пор, как об этом и говорится в квазимифе. По нашему мнению, несмотря на то, что у хантов и манси в этиологическом мифе о происхождении их дуальной фратриальной системы Пор и Мось «сыромясной народ» противопоставляется «вареномясному народу», это символизирует лишь обрядовое различие дуально-экзогамных групп и соответствует универсальной символической классификации обских угров, отражающей бинарную общественную структуру и связанную с ней своеобразную двоичную мифическую модель мира. Противопоставление «сырое-вареное» по фратриям не отражает процессов этнического смешения у обских угров, однако подтверждается финно-угорским лингвистическим материалом, на что венгерские ученые не обратили внимания. Хотя финно-угорский и тем более угорский общий корень хантыйского и мансийского фратриального названия «Мось» и этимологии этнонимов манси и мадь-яр обозначает «говорящий человек» и генетически связаны между собой. Мы уже раньше обратили внимание финно-угроведов и этнологов на то, что почти во всех языках мира слова «сказка-миф-легенда» этимологически непременно происходят из глагола: «сказать <говорить», подобно древнегреческому термину «миф».

UDC 316.47

PETER VERES AS THE PERSON AND THE SCIENTIST

Paramonova Svetlana Pavlovna,
Perm National
Research Polytechnic University,
Department of Sociology
and Political Science,
Professor,
Doctor of Philosophy,
Perm, Russia.
E-mail: spp45@mail.ru

Annotation
Peter Veres linked by a long-standing friendship with researchers of Uralic languages. To every specialist in the field of Ethnography and Anthropology scientist paves its own path of understanding. Many times I watched him crowded round with participants of conference. It is not only the gift of sociability and cordiality, but the attraction is and great erudition of P. Veres. Professor of the St. Petersburg Pedagogical University of A. I. Herzen, E. A. Okladnikova (with her father, academician A. P. Okladnikov worked at conferences with P. Veres), notes that the Hungarian ethnographer belongs to the pleiad – powerful professionals of History, Ethnography and Anthropology. The article summarizes the special field, origins of prior to Hungarian nomadism, which is largely justified by Peter Veres. It describes the concept of P. Veres based on the work of Hungarian, Russian and American scientists. He showed localization of prehungarian in the past in the area of Ob and millennial migration routes. The article emphasizes the role of natural disasters in finding places of settlement by prehungarian, notes identity: sustainability of language and culture. The challenge was the swamping and drought in Asia, and the Answer is the development of creative abilities of ethnicity and foundation of habitat in Europe.

Key concepts:
prior to Hungarian (prehungarian) nomadism, climate changes as a factor in the advancement of ancient Hungarians from the Ob to the southern Urals, lowland of the Caspian sea, then to Pannonia, the probability of blitzkrieg, invented by nomads.